Симонова Т.М.

О.Э. Мандельштам: жизнь и бессмертие (к 125-летию со дня рождения): Осип Мандельштам и Варшава

«Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем…»

Так писал о своем рождении почти на рубеже двух веков Осип Мандельштам, ощущая и предчувствуя будущую нелегкую свою судьбу в «веке-волкодаве». Анне Ахматовой принадлежат такие слова: «мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто скажет, откуда донеслась эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?».

Осип Мандельштам родился в Варшаве, в семье торговца кожами и перчаточника Эмиля (Хацкеля) Вениаминовича Мандельштама в еврейском квартале Муранов, ул. Налевки, 19. Отец, вначале успешный ремесленник, затем – купец второй и, наконец, первой гильдии, вскоре увез семью в Павловск, предместье Петербурга, затем – через несколько лет – в Петербург.

Осип плохо помнил Варшаву, самый большой еврейский город Европы того периода времени, по-польски не говорил, но любил ее нежно. В Варшаве он оказался лишь в декабре 1914 г., в качестве санитара одного из военно-санитарных эшелонов (госпиталей). Он прослужил очень короткое время и вернулся в столицу. Впечатления от Первой мировой войны и этого события стали основой для некоторых его стихов. Одно из них было написано в октябре 1914 г., оно было переведено частично и опубликовано в межвоенной Польше в 1925 г., затем - полностью в книге воспоминаний одного польского чина министерства внутренних дел в 1935: «Поляки!» («Polacy!»).

«Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков:
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?
Или снега не будут больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?
А ты, славянская комета,

В своем блужданьи вековом,

Рассыпалась чужим огнем,

Сообщница чужого света!

Польша, «славянская комета», а месяцем раньше в стихотворении «Европа»: «Польша нежная», - такой он видел свою родину, будучи человеком русской культуры.

Мать трех братьев Мандельштамов, Флора Осиповна Вербловская, была в родстве с известным исследователем творчества Пушкина и историком литературы, Семеном Афанасьевичем Венгеровым. В великолепных воспоминаниях Мандельштама «Шум времени», в главе «Хаос иудейский», есть такие строки, из которых становится ясно, какие источники питали поэтическую Музу поэта.

«…В детстве я совсем не слышал жаргона, лишь потом я наслушался этой певучей, всегда удивленной и разочарованной, вопросительной речи с резкими ударениями на полутонах. Речь отца и матери – не слиянием ли этих двух речей питается всю долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер? Речь матери – ясная и звонкая без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь; словарь ее беден и сжат, обороты однообразны, - но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное. Мать любила говорить и радовалась звуку прибедненной интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков?».

«У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие», - подчеркивал он. «Русская речь польского еврея? – нет. Речь немецкого еврея? Тоже нет. Может быть, особый курляндский акцент? Я таких не слышал. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются с старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все, что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки. По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдаленную обстановку, но никак не еврейскую».

По воспоминаниям брата, Евгения Мандельштама, «детей воспитывала и вводила в жизнь мать». В 1897 г. по настоянию матери – детям нужно было дать хорошее образование – семья переезжает в Петербург, трех сыновей отдают в очень престижное и дорогое училище В.Н. Тенишева, камергера Двора Его Императорского Величества, блестящего бизнесмена и инженера. В этом училище кчились сыновья В.В. Розанова, Н.Н. Юденича, П.Н. Милюкова, его закончил и В.В. Набоков.

Петербург оказал огромное влияние на поэта, в «Шуме времени» читаем: «…семи лет весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце

города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа, таинственной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавочка, особенно же арку Главного штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным».

В противовес этому «стройному миражу Петербурга», вокруг простирался «хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал»… Бежал и попадал в «крепкий румяный русский год», который «катился по календарю с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей. А тут же путался призрак – новый год в сентябре и невеселые странные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Иом-кипур»…

Воспитание в двух культурах матери не очень удавалось, несмотря на то, что нанимали еврейского учителя, «раз или два в жизни» возили в синагогу, «как в концерт с долгими сборами, чуть ли не покупая билеты у барышников», возили к дедушке и бабушке в Ригу, где бабушка знала по-русски только одно слово: «покушали?»…. Резюмируя эти воспоминания о «хаосе иудейском», Мандельштам переходил на ритм: «И от того, что я видел и слышал, я возвращался в тяжелом чаду»…

Памятник Мандельштаму в Москве открыт в ноябре 2008 г. в малоизвестном сквере между домом 5 улицы Забелина и домом 10 в Старосадском переулке в центре Москвы. На базальтовом постаменте высечено: «За гремучую доблесть грядущих веков…», авторы – скульпторы Д. Шаховской и Е. Мунц, архитектор проекта – А. Бродский.

Через 4 года в центре Варшавы по инициативе председателя ПЕН-клуба Польши Адама Поморского, поэта и литератора, переводчика Мандельштама, по решению ректора и сената Варшавского университета, в его главном кампусе была открыта «улица Мандельштама». На Краковском Предместье, на стене здания Института истории 18 мая 2012 г. каменную табличку с надписью открыл племянник поэта Александр Александрович Мандельштам. Без преувеличения, Мандельштам – один из самых известных русскоязычных поэтов в Польше, ни в одной европейской стране его не знают и не любят так, как в «Польше нежной». Варшава возвращает поэту свою любовь: его много издают, переводят, поют песни на его стихи, ставят спектакли.